

85.733

A 941

Т ПОЛУНОВ ОЛЬГА ПОЛУНОВА
АНДРЕЙ АФАНАСЬЕВ

НАШЕЙ М

РЕГИНА

Андрей Афанасьев

РЕГИНА
ТЕАТР НАШЕЙ МОЛОДОСТИ

Иваново

Издательство "Ивановский государственный университет"

2007

hlc

Надо бы вообще посмотреть вашу программу, что вы там собираетесь показывать...» (Эти «неорганизованные подтексты», «неконтролируемые ассоциации» стали впоследствии универсальным и ходовым идеологическим клише. Именно московским, для провинции это было слишком сложно. Тогда же мы с этим столкнулись впервые.) «Ну, а как Вам вот такая Москва, Регина Михайловна?» — вертелось у меня на языке, но я, конечно, сдержался. Она же, привыкшая к похвалам, почтительности и уважению, поначалу растерялась и не нашла что ответить этой даме... Отнестись бы к ситуации с юмором. Ну не удалась попытка сесть не в свои сани, и бог с ними. А куда же девать самолюбие, амбиции, испорченное настроение, раздражение?.. Придя в себя, Регина Михайловна принялась остервенело грызть нас... Так что после Польши ей пришлось вновь создавать студию в химинституте и выжидать время, прежде чем по одному возвращать членов труппы. Для этого она придумывала в каждом случае отдельные уловки. Со мной было так. Она позвонила как ни в чём не бывало после двух месяцев отсутствия всякого общения, чтобы обсудить какую-то свежую журнальную публикацию. Ей-де интересно именно моё мнение. А в конце разговора вдруг спросила:

— Ну, а в театре вы что собираетесь делать?

— Дык...

— Вот сегодня и приходите.

А я и рад стараться. Пришёл и стал работать с новой студией.

Насчёт уловок-то она была докой, но вот что я вам скажу. Она не стала меньшей москвичкой, по-прежнему стремилась в Москву, тосковала по ней. Но ребята, пришедшие тогда в студию (из ИХТИ и не только), сделавшие с ней «Николая Майорова» и «Елену Ширман», а затем «Мозаику» — четвёртое поколение актёров Молодёжного театра по классификации самой Р. Гринберг — стали первым поколением, которое Регина почти не терзала бесконечными угрозами уехать в Москву навсегда. Как-то резко она это прекратила.

В октябре 1976 года к очередному дню рождения комсомола был опубликован список новых лауреатов премии Ленинского комсомола. В этом списке был и Ивановский народный молодёжный театр драмы и поэзии, удостоенный высшей награды ЦК ВЛКСМ за цикл спектаклей «Память». Вручение премии состоялось в начале февраля 1977 г., когда театр отмечал своё 20-летие.

Вскоре пришли бумаги из ВЦСПС, в которых сообщалось, что наш театр хотят видеть в числе участников концерта для делегатов XVI съезда профсоюзов, который состоится в марте в Кремлёвском дворце съездов. Впрочем, в концерт приглашался не театр, а четверо артистов без какого бы то ни было репертуара. Что эти артисты должны делать в концерте — им скажут в Москве, куда они обязаны прибыть заранее для репетиций.

Наверное, кому-то такое приглашение показалось бы большой честью, но Молодёжному театру приходилось участвовать в подобного рода, как у нас выражались, «заляпухах» и раньше, поэтому никакого энтузиазма в нашей среде приглашение не породило. Мы понимали, что ничего хорошего исполнять не придётся, дадут какие-нибудь кондовые железобетонные тексты, читать которые после Вознесенского, Окуджавы, Евтушенко, да хотя бы того же Майорова, будет стыдно и противно.

Когда мы в 1974 году готовились к поездке в Польшу с Поездом дружбы ЦК ВЛКСМ, нам сказали, что мы обязаны, кроме показа своего спектакля по Б. Окуджаве, принять участие в большом гала-концерте советской делегации. Мы выучили порученные нам патриотические тексты, но по приезде в Москву, где четыре дня проходили сводные репетиции, узнали, что они уже записаны другими чтецами, а наша задача — читать под фонограмму, стараясь синхронно артикулировать. Кстати, я заметил, что два четверо-

стишия, которые достались мне, читаются на фонограмме разными чтецами, то есть голос у меня менялся в процессе чтения. Я сказал об этом режиссёру концерта, но он махнул рукой: «Это ничего, не страшно». Так и осталось. Действительно, среди большого числа технических накладок, сопровождавших этот концерт, когда он шёл на сцене открытого амфитеатра в Белостоке, такая малость, как смена голоса у чтеца в процессе чтения, была совершенно не страшным делом. «Эх, и заляпуха! Вот так заляпуха!» — только и повторяли наши ветераны, взирая на всю эту неудобоваримую суету.

Позднее от театра потребовали двух чтецов для торжественного концерта во Дворце текстильщиков. Делегированы были мы с Сашей Савельевым. Концертом руководил некий деятель культуры, который сам насочинял кучу трескучих текстов для ведущих. Раздав нам свои произведения, он попросил громко и с должным пафосом их произнести. С трудом сдерживая усмешки, мы читали, напустив побольше бархатистости в голоса. Но, дойдя до стиха, воспевающего, по мысли автора, героизм женщин:

Был не раз женской кровью алой
Полит шёлк полковых знамён! —

не выдержали и прыснули. На следующие репетиции нас не звали. Когда мы показали этот опус Регине Михайловне, она зашлась в смеховом приступе и долго не могла остановиться. Наконец она выдала: «Гинекологическая лирика! Они с ума сошли...»

Словом, и мы, и наш режиссер отнеслись к чести выступить на кремлёвских подмостках весьма кисло. Регина Михайловна предприняла даже попытку отказаться, стала убеждать руководство облсовпрофа, что это не наше дело, что в подобных концертах мы не сильны, но натолкнулась на жёсткий отпор. «Премия Ленинского комсомола получили? Вот теперь — отрабатывайте», — холодно сказали ей и окончили аудиенцию.

Режиссёр долго возмущалась тем, как с ней обошлись в облсовпрофе («Мы премию заслужили, а не получили! Что, нам её авансом дали, в долг?! А уж совпроф вообще бы помолчал. Уж от него-то это меньше всего зависело!»), но всё же сочла благоразум-

ным прекратить сопротивление. Тем более как раз в это время она готовилась к очередной поездке в Польшу на театральный фестиваль вместе с Володей Баранниковым и Надей Романовой. Она очень любила театральную Польшу, жила предвкушением этой поездки и понимала, что решение о ней, финансирование её всё-таки напрямую зависит от облсовпрофа. Короче говоря, она огласила список «жертвенных баранов»: я — за старшего, Валя Авдеева, врач, опытнейшая актриса, красавица, которую многие сравнивали с Софи Лорен, но в пользу Валентины, по замыслу режиссёра — главный подарок Кремлёвскому дворцу съездов, а также две симпатяги из «Николая Майорова» и «Мозаики»: инженер Таня Дормидонтова и культработник Лена Симахина. Компания была замечательная. Я обожал своих весёлых и очаровательных партнёрш. Выслушав твёрдое режиссёрское «Надо!» и её же совет отнестись к этому с юмором, мы, обречённо вздохнув, решили так и сделать.

Из Москвы в облсовпроф поступил приблизительный рисунок костюмов, в которых мы должны явиться на кремлёвские подмости. В два-три оставшихся до отъезда дня был организован срочный пошив этих костюмов в ателье на ул. Почтовой. Мастера, выполнявшие срочный заказ облсовпрофа, постарались. Материал был выбран не из дешёвых, костюмы получились добротные: подкладка, бортовка, конский волос — всё, что нужно, по полной программе. Представители ивановских профсоюзов не должны выглядеть бедно! Ничего общего с театральными костюмами наши одежды не имели.

В день нашего отъезда в Молодёжном театре встречали гостей: певицу Елену Камбурову и тогдашнего руководителя фирмы «Мелодия» В. Сухорадо. Лена Камбунова не впервые была нашим гостем, но теперь она ступила на порог малого зала, только что созданного из бывшей репетиционной комнаты, оснащённого амфитеатром, массой осветительных приборов, завешенного чёрным бархатом. Зал возник к началу 20-го театрального сезона по «проекту» режиссёра, которая выжала максимум возможного из благорасположения (как выяснилось, временного) к театру и к себе первого секретаря обкома партии В. Г. Ключева. Регина Михайловна очень гордилась этим малым залом. Камбунова, едва войдя, запримечен

Поездке в Польшу предшествовали репетиции с переводчиком, когда мы разучивали песни Окуджавы на польском языке. Работали, как всегда, много и тщательно. Накануне отъезда, 4 сентября 1974 года, мы собрались у родителей Стаса Малинкина. Это был день его рождения. 25 лет после смерти Стаса мы каждый год в день его рождения приходили к родителям. Тогда это было во второй раз. Заговорили о предстоящей поездке. Кто-то сказал:

— Наверное, много всего там увидите.

Юра Разин пошутил:

— Мы там увидим «Гринберг в Польше», — переделав название известного тогда фильма «Ленин в Польше».

Регина смеялась громче всех... Я уже писал, что «Гринберг в Польше» мы наелись досыта. Не буду повторяться. Впрочем, все скандалы произошли ещё в Москве, когда с политическими ярлыками был отвергнут номер, который Регина предложила для гала-концерта, и когда потом мы целыми днями должны были ожидать «отсмотра» основной нашей программы. Комиссия отсматривала других, разговаривая с ними высокомерно и беспардонно. До нас, слава богу, руки у них так и не дошли, но наши нервы всё время были напряжены. Регина психовала страшно, срываясь, как всегда, на ближних. В Польше мы общались с ней только формально, по необходимости. Хотя выступления наши прошли прекрасно и на ура принимались поляками, любившими Б. Окуджаву и знавшими его тогда, пожалуй, лучше, чем его знали на родине.

Одной из «священных коров» Регины Гринберг была её собственная независимость. Как это ни покажется странным, но режиссёр народного театра тяготилась зависимостью от своих же актёров. Она всегда была, что называется, «в стойке», готовая доказать, что сможет обойтись без любого из нас. Бесполезно было пытаться образумить её, говоря: «Если вы будете кричать и оскорб-

лять меня, я уйду». «Уходите», — всегда отвечала она. Отнюдь не будучи холодным сфинксом, сама потом страдала, переживала, но поделаться с собой ничего не могла. После Польши она решила доказать, что сможет обойтись сразу без всех своих ведущих актёров, проработавших с ней много лет, доказать им, что она — это она, что она — это всё, что всё — благодаря ей, что ей «в любое мгновение не поздно» начать сначала... Она создала новую студию, для чего опять, как когда-то, пошла в химинститут ставить композицию к смотру. Оттуда в студию театра она пригласила Володю Баранникова, Славу Лычёва, Володю Шихера (Сотникова), Таню Дормидонтову. По конкурсному набору в студию пришли Надя Романова и Лена Симахина. Пришла концертмейстер Лена Петрова. Вернулся из армии Саша Гориславский. Уже два года в театре был Слава Сухоруков. Он пришёл на первый конкурсный набор, проводившийся после смерти Малинкина. Буквально через день после похорон. Он был совсем ещё юным, но было ясно, что из него может получиться актёр того же типа, что Стас. Подвижная, легко возбудимая нервная система, мощный моторный темперамент, серьёзность в отношении к делу. Регина тогда сказала: «Мистика!» Это был абсолютно её актёр. Теперь Слава уже был занят в «Памяти друга» и студийном спектакле по сатирическим стихам В. Маяковского. Вместе с некоторыми прежними студийцами и новичками он вошёл в коллектив новой студии, к работе с которой, спустя пару месяцев, Регина привлекла и меня. Время лечит. Скоро вернулись другие участники «Замка надежды» и этот спектакль вновь зажил. Позднее был восстановлен «Памяти друга». Эти спектакли игрались ещё два-три года, но все свои творческие планы отныне Регина строила в расчёте только на новый коллектив.

С ним она начала работу сразу над двумя спектаклями о погибших на войне поэтах: ивановце Николае Майорове и ростовчанке Елене Ширман. У неё были исполнители заглавных ролей — Владислав Сухоруков и Надежда Романова. Поэты были — прекрасные. Н. Майоров, при жизни которого не было опубликовано ни единой строчки, писал столь мощно, что, без сомнения, мог бы стать выдающимся поэтом. Приближалось 30-летие Победы, сделать что-то к юбилею было необходимо. И Регина рассудила, что

так она обойдётся без компромисса. К тому же это может стать отличной учебной работой для молодого коллектива.

Как обычно, она начала работать по максимуму. Вступила в переписку с друзьями и родственниками Н. Майорова и Е. Ширман. Вместе со студийцами вела поиски материалов в научной библиотеке. Надя Романова, например, от руки переписала весь сборник Елены Ширман, имевшийся в читальном зале в единственном экземпляре. От друга юности Е. Ширман журналиста Георгия Цыбизова стали приходиться пухлые конверты с воспоминаниями. Постепенно складывались сценарии, вырисовывались контуры будущих спектаклей. Премьеры состоялись осенью 1975 года.

Но до этого произошло ещё несколько важных событий, не рассказать о которых нельзя, потому что без них теперь не существует ни биографии Регины Гринберг, ни истории Молодёжного театра.

В феврале 1975 года в театр приехал Евгений Евтушенко. В клубе фабрики им. Балашова, в забитом под завязку зале, вместимость которого мы за счёт дополнительный стульев увеличили до 600 мест, он провёл три своих творческих вечера. Он читал три разных программы, не повторив ни единой строчки! Евтушенко было тогда 42 года. Он был в абсолютной форме, читал прекрасные стихи, и читал превосходно. Зрители и мы не могли опомниться от счастья. Регина в момент особенного прилива чувств сказала:

— То, что я привезла сюда Евтушенко, — самое главное, что я сделала для Иванова!

Действительно, успех поэтических вечеров был такой, что этот прилив чувств оправдан. Но рассказать только это — значит ничего не рассказать.

Как вообще возникла идея приглашения Евтушенко?

Всё началось с того, что я, будучи в командировке в Москве, по поручению Регины Михайловны зашёл в редакцию журнала «Клуб и художественная самодеятельность». Выполнение подобных поручений было многие годы обычным моим делом. Начав работать в НИИ, я встал перед необходимостью с виноватым ви-

— Ну что? Вы так и не позвонили? — с ходу стала негодовать она.

— С Устиновой я поговорил, она вам больше звонить не будет, — я не стал уточнять, кто кому позвонил.

Регина сделала паузу, переваривая информацию, а потом:

— Так ей и надо! Пусть знает! — не по-женски даже, а по-бабьи отреагировала она. Видно было: довольна, что насолила обидчице...

Даже в последний период жизни, когда Регина уже была не в силах выходить из дома, она большую часть времени проводила на телефоне. Находила поводы позвонить и разным руководящим господам по старой памяти. И коротко-то она с ними не разговаривала.

Нынешние руководители в основном не прошли школы Регины Михайловны. Сразу ставлю под сомнение их квалификацию. Непроверенная публика.

Когда работа над «Николаем Майоровым» подходила к концу, Регина всё больше стала говорить о нерешённости начала спектакля. Имеющееся начало её не устраивало. Это было для неё необычным. Как правило, она больше значения придавала финалу спектакля, говоря, что если финал есть — всё! Остальное приложится, остальное она придумает. А тут финал-то был, а не было начала. И вот как-то уже в конце репетиции она сказала:

— Попробуем-ка начать с атаки.

От сцены до середины зрительного зала тянулся узкий помост, на котором Слава Сухоруков практически в центре зала, среди зрителей, читал самые знаменитые майоровские стихи «Мы» и какие-то ещё. С использованием помоста решались и некоторые другие эпизоды. Помост был способом приближения актёров к зрителям, преодоления ненавидимой Региной Гринберг «четвёртой стены». На сцене стоял большой, возвышающийся к колосникам станок, состоящий из ломаных наклонных плоскостей. Это был станок, когда-то, ещё до знаменитого ремонта, изготовленный для спектакля «Владимир Маяковский. Трагедия». Теперь Регина нашла ему применение.

Нам была поставлена задача: вбежать в зал из задних дверей, влететь на помост, упасть и поползти к сцене, а там вползти на этот ломаный станок, рассредоточиться на нём и застыть в скульптурных позах. Всё это под грохочущую музыку Шостаковича, под резкие световые эффекты, когда сцена вспыхивала то красным, то синим, то белым светом. Впрочем, свет и музыка появились потом. Пока же нам нужно было вбежать, упасть и ползти.

Привыкшие выполнять режиссёрские задания в точности, мы по очереди стали влетать на помост, с грохотом падать и ползти как можно быстрее к сцене. Регине понравилось! Когда ей нравилось, как она решила эпизод, она просила повторять его снова и снова и любовалась своей работой.

— Очень хорошо, — сказала она, — ну-ка, ещё раз! Только ещё резче падайте и ещё быстрее ползите.

Но спала горячка первой атаки, и мы поняли, что не то что повторить — даже встать нам теперь не просто. Помост был настелен стругаными досками, чтоб по нему можно было ходить, а не ползать. Когда же мы, с разбегу плюхнувшись, поползли поперёк настила, то все его многочисленные стыки стали нашими. Ушибленные и содранные колени и локти — самое малое, с чем мы приползли на сцену. Были ещё порванные колготки и брюки. С всамделишными, а не наигранными стонами стали мы подниматься, взывая к милосердию режиссёра. Напрасно. Регина была неумолима. Нам пришлось бегать ещё и ещё, покуда судорожные и беспомощные дёрганья истекающих кровью и стонущих калек из-за утраты всякой художественности не разонравились мастеру.

На следующую репетицию все мы едва приковыляли. Мы демонстрировали друг другу и режиссёру многочисленные синяки и ссадины, надеясь, что сегодня она сжалится, даст возможность хоть затянуться ранам. Но она уже подобрала музыку и придумала световые эффекты. Репетицию она начала с атаки... На премьере и потом, сколько бы мы ни играли «Николая Майорова», эффектная атака эта не представляла для нас никакой проблемы. Вот что значат репетиции под руководством Регины Гринберг! Мы падали и ползли ещё энергичней, ещё эффектней, но так научились это делать, что ни травм, ни порванных штанов не было и в помине. Обычно перед спектаклем, когда зрители уже сидели в зале, а мы у

входа готовились начать с атаки, мы обнимались, настраиваясь на спектакль, и с минуту вместе молчали. Каждый думал о своих задачах, но никто — о том, как он сейчас поползёт. Это был для нас пустяк, о котором и думать не стоило.

Премьеры «Николая Майорова» и «Елены Ширман» были очень доброжелательно встречены критикой и зрителями. На спектакли приезжали сестра Е. Ширман и друг её юности журналист Георгий Цыбизов, побывали у нас брат Н. Майорова и его школьный товарищ, ивановский поэт Владимир Жуков. Все они высоко оценили нашу работу. Особенную их благодарность совершенно справедливо заслужила Регина Михайловна. Это были достойные Молодёжного театра спектакли, отмеченные рядом очевидных актёрских удач молодых студийцев: Владислава Сухорукова, Надежды Романовой, Вячеслава Лычёва, Владимира Баранникова, Татьяны Дормидонтовой.

С ними Регина уже вовсю работала над «Мозаикой». Так она назвала будущий спектакль по А. Вознесенскому. Это — название самого первого сборника поэта. В этом смысле Регина Гринберг продолжила традицию. Ведь именно заглавия сборников стали названиями предыдущих её работ: «Лирическое наступление» и «Парабола». Но был в этом названии ещё и другой, вполне конкретный смысл. По мысли Регины, он состоял в соединении, столкновении разных, порой противоположных по настроению, темпоритму, громкости кусков и высечении из этого столкновения дополнительного эффекта, увеличения степени воздействия на зрителей. Как бывает, когда из холодного — сразу в горячее и наоборот. Так, трагическому «Зову озера» предшествовал бесшабашный и весёлый «Осенний воскресник», а эпизод «Тишины» прерывался грохотом авангардной музыки К. Пендерецкого и «роботами» из «Озы». Всё это должно было не отпускать внимание зрителя, не давать ему расслабиться, заскучать. Потом, когда разнородность фрагментов спектакля по всем составляющим станет особенно очевидной, она будет говорить уже не о «мозаичном», а о «коллажном» принципе композиции, напишет в афише: «Мозаика, спектакль-коллаж», чем окончательно запутает знатоков изобразительных жанров. В Ташкенте одна из газет, помню, написала: «спектакль-*коллапс*», чем изрядно нас повеселила. Но это — потом.

Как и в случае с «Алексеем Лебедевым», поначалу спектакль «Николай Майоров» не принёс Регине Гринберг никаких особенных лавров разработчика ивановской тематики, начальственных благодарностей, дополнительного почёта и уважения. Ну, сделала и сделала. Молодец! По большому счёту всем было плевать и на тематику, и на театр, лишь бы поменьше приставала со своими проблемами. Более того, вдруг явилось начальство с фабрики и стало ковырять потолок в репетиционной комнате. Той самой, где уже всюю кипела работа над новым спектаклем, на эту комнату и рассчитанным. Штукатурка с потолка в углу отвалилась при первом прикосновении. Директор фабрики велела нам выносить имущество из комнаты, так как сейчас её начнут ремонтировать. Зная всё про их ремонты, Регина взмолилась, чтобы этот отложили до лета, до театрального межсезонья. Директор была неумолима: сейчас она может, а летом — нет. Мы с Региной помчались в обком профсоюза, в облсовпроф, обратились к обкому комсомола — всегдашнему помощнику театра. Ничто не помогало. Никакой управы на директоршу не было, тем более что профсоюзные органы с пониманием относились именно к её позиции, а не нашей... Вот тогда-то и появился Владимир Чернов, корреспондент журнала «Молодой коммунист».

Не помню, кто первый назвал мне это имя в Москве. Но когда я произнёс его Регине, отчитываясь об очередной поездке в столицу, она воскликнула:

— Слушайте, мне тоже его советовали! Когда вы снова поедете? Нужно срочно добыть этого Чернова!

На следующей неделе, придя в редакцию «Молодого коммуниста», я застал Владимира Борисовича за рабочим столом. Он оказался очень милым человеком с бородой, каким-то сразу своим в доску. Не удивительно. Когда-то он сам играл в знаменитом студенческом театре МГУ, откуда, правда, был изгнан с треском за то, что однажды, мать честная, проспал спектакль. О нашем театре он, конечно, слышал, но пока ничего не видел. Внимательно выслушав мой рассказ о нашем постоянном существовании с петлёй на шее, он сказал:

— Надо вам помогать! Постараюсь убедить начальство.

Очень скоро он приехал к нам, имея соответствующее редакционное задание. Он посмотрел «Николая Майорова» и «Елену Ширман», «Замок надежды» и «Памяти друга», репетиции «Мозаики», был совершенно очарован Региной Михайловной, ходил с ней по начальственным кабинетам. Всё время он напряжённо думал, как нам помочь. Он считал, что нужен какой-то нестандартный ход. Идея пришла ему в голову после того, как на радио он прослушал запись нашего «Тожественного реквиема». Если четыре спектакля: «Николай Майоров», «Елена Ширман», «Памяти друга» и радиоспектакль об Алексее Лебедеве — объединить в цикл и назвать одним словом «Память», то будет весьма солидный повод для выдвижения театра на премию Ленинского комсомола. Вскоре редакция «Молодого коммуниста» стала инициатором такого выдвижения. В январе 1976 года на «Николая Майорова» пришёл первый секретарь обкома партии В. Г. Ключев.

После 1963 года, когда в рамках хрущёвских заигрываний с интеллигенцией на «Бане» побывал сосланный тем же Хрущёвым в Иваново И. В. Капитонов, это был первый визит в Молодёжный театр хозяина области. Ключев пришёл без всякой помпы, по-домашнему, с дочерью, в сопровождении только секретаря горкома партии по пропаганде Н. П. Балабановой. Нина Петровна — любительница поэзии, она почитала талант Р. Гринберг, с уважением относилась к ней, к Молодёжному театру. До недавнего времени она была первым секретарём обкома комсомола и в меру своих возможностей помогала театру. Никто не относился с таким великодушием и снисходительностью к регининским выходкам, как Н. П. Балабанова. У них с Региной сложились какие-то особые отношения, что-то вроде женской солидарности. Она и была инициатором визита Ключева. Впрочем, был ещё повод для него. Редакция журнала «Молодой коммунист» прислала письмо, где извещала, что решила выдвинуть Ивановский молодёжный народный театр на соискание премии Ленинского комсомола, и просила поддержки у обкома партии. Это было неординарным событием. Премия Ленинского комсомола — третья по значению (после Ленинской и Государственной премий) награда в стране. Ни один народный театр никогда ещё такой награды не удостоивался. Ключев понимал, что если такое награждение состоится, то это будет и его,

хозяина области, достижением, ещё одним плюсом в работе первого секретаря обкома. Он решил посмотреть, о чём речь.

О предстоящем посещении Регина и мы узнали за час до начала спектакля. Никакой подготовкой мы уже не имели возможности заниматься. Это было десятое представление спектаклей «Николай Майоров» и «Елена Ширман». Ещё раньше мы решили, что будем отмечать каждый десятый спектакль, поэтому, сбросившись по рублю, заранее купили какого-то лёгкого вина, чего-то к чаю. Теперь была возможность пригласить гостей за наш стол, хотя, конечно, мы понимали: не факт, что они согласятся. Но всё же одно подготовительное мероприятие Регина провела, вопреки нашим сомнениям и соображениям типа: «Это неудобно, это как-то неприлично...» В репетиционной комнате, где был установлен длинный стол для чаепития, она потребовала погасить верхний свет, а включить только «пистолеты» и все их узкие лучи направить на тот угол потолка, где зияла пробоина. Теперь любой входящий в эту комнату волей-неволей сосредоточивался на картине разрухи, сопутствующей существованию Молодёжного театра, должен был возмутиться и устыдиться. Мастер театрального света, Регина это освещение организовала профессионально и убедительно, ничуть не смущаясь абсолютной нарочитостью затеи.

После спектаклей обычно проводилось зрительское обсуждение. Когда в третий или четвёртый раз мы выходили на поклон, Регина вставала, приглашала нас пройти на помост поближе к зрителям, а тем предлагала высказать свои впечатления от увиденного.

— Нам очень важно ваше мнение: что понравилось, а что нет. Если есть какие-то замечания, что-то вызвало у вас возражение, неприятие — скажите. Возможно, мы это учтём в дальнейшей работе над спектаклем, — говорила она, прекрасно понимая, что сейчас начнутся не замечания, а восторги и благодарности, милые её артистическому сердцу.

Так она поступила и на этот раз. Зрители были как-то особенно словоохотливы и щедры на восторги. Вдобавок к этому веско, со знанием дела высказался известный московский критик, журналист и писатель Станислав Лесневский, давший высокую оценку спектаклям и особенно гражданской миссии по сохранению, даже восстановлению памяти о замечательных поэтах,

погибших на войне, — миссии, которую взяли на себя Регина Гринберг и коллектив театра. Приезд Станислава Стефановича просто случайно совпал с визитом В. Г. Клюева, но оказался как нельзя кстати. С. С. Лесневский — давний приятель и почитатель Регины — откликнулся на её очередной «SOS!» и приехал, чтобы помочь. Имелось в виду, что такой помощью будет публикация где-то в центральной прессе отзыва или рецензии на новые спектакли театра с указанием, разумеется, проблем, мешающих театру нормально работать.

К этому времени было уже понятно, что С. Лесневский не зря приехал. Они с Региной побывали в некоторых важных профсоюзных кабинетах и зашли в ведомство главного архитектора города. Идея побывать там принадлежала, кажется, самому Лесневскому. Регина давно уже ставила вопрос о необходимости устройства сколько-нибудь приличных подходов к клубу. Действительно, и мы, и зрители, приходившие на спектакли, должны были спускаться к клубу по крутой, не имеющей твёрдого покрытия, не освещённой «дороге, изрытой дождями» (как у Пушкина), рискуя поскользнуться и проехать часть пути на пятой точке. Пару лет назад молодёжное проектное бюро безвозмездно разработало проект лестницы, но до сих пор её не построили. Лесневский решил поставить этот вопрос перед городскими архитекторами — подход к театру должен быть архитектурно оформлен и со знанием дела освещён. Встретили его и Регину архитекторы приветливо и заинтересованно, они сами были поклонниками Молодёжного театра. Разложили новейшие чертежи и планы... и вдруг, к собственному удивлению, увидели, что будущее шоссе, которое они и проектировали, проходит на их планах аккурат через клуб фабрики им. Балашова, который подлежит сносу. Засмутившись и засуетившись, архитекторы стали корить себя за то, что совсем забыли про Молодёжный театр, обещали всё исправить. Тут же при Лесневском и Регине они даже начали рисовать новую трассу этого шоссе, обходящую наш клуб. Возмущение московского гостя не знало границ. Он наговорил резкостей, чем привёл в восторг Регину. По крайней мере, именно в восторженных тонах она рассказывала мне в присутствии Лесневского о его разговоре с архитекторами. Главное, что радовало Регину, — что её Стасик сам убе-

дился теперь, в какой кошмарной обстановке ей приходится творить, что все её мольбы о помощи не были, как он полагал, преувеличением, плодом только её впечатлительности и склонности к паникёрству...

Владимиру Григорьевичу Ключеву спектакли Молодёжного театра понравились! Увидев, как они принимаются зрителями, выслушав во время обсуждения выступления и зрителей, и московского критика, он решил встретиться с коллективом. Вот тут-то и состоялся его вход по сценарию Регины в репетиционную комнату с театрально освещённой прорехой в потолке. К его чести, он быстро пришёл в себя от этой вызывающей наглости и, на первый взгляд, отнёсся к этому с юмором. Однако за столом он серьёзно выслушивал наши пожелания, как и когда следует проводить ремонт репетиционной комнаты, чтобы не срывать работу театра. Он был очень благодушно и доброжелательно настроен. Удивился, что у нас есть вино, но поняв, что это не в честь его прихода (откуда могли узнать?!), а в честь десятого спектакля, успокоился и пошутил, что теперь он отсчитывает следующие десять и тогда опять придёт. Он отметил, как потом оказалось, и то, что чай мы пьём, кипятя его в единственном электрическом чайнике и из чего попало: каких-то случайных чашек, гранёных стаканов, из которых до того пили вино. Но особенно он проникся ремонтом и тем, что Регина просила сделать его летом и закончить к началу следующего, юбилейного (двадцатого!) сезона. Регина сказала о будущем сезоне как юбилейном как бы незначай, для убедительности, но Ключев отреагировал серьёзно. Расстались мы весьма довольные друг другом.

На следующий день в клуб были доставлены два электрических самовара, чайные чашки, бокалы для вина — подарок театру от первого секретаря обкома партии. Эти самовары потом долгое время служили нам верой и правдой. Регина же не упускала случая использовать их в качестве свидетельства своих особых отношений с первым лицом области. Бывало, приходит в театр какое-нибудь начальство, идет разговор о проблемах, часто не простой, как обычно с Региной, на нервах, и тут она вдруг бросает взгляд на самовары и говорит:

— Эти самовары нам, между прочим, Владимир Григорьевич подарил.

Сам видел — действовало. Интонации оппонентов становились как-то мягче, как-то менее категоричными, вдруг появлялась готовность идти навстречу просьбам театра.

Но главные последствия визита В. Г. Ключева в Молодёжный театр были впереди. Вскоре он собрал в своём кабинете всё городское и областное начальство и, потрясая стихотворным сборником, чуть ли не у каждого требовал отчёта: видели ли они «Николая Майорова», читали ли его стихи? И стыдил тех, кто не мог ответить утвердительно. Затем он рассчитался с ними за неловкость, которую Регина заставила его испытать при входе в репетиционную комнату. Владимир Григорьевич умел снимать стружку! Потом перешёл к поручениям:

— во-первых, ремонт репетиционной комнаты следовало провести летом и закончить к началу юбилейного сезона Молодёжного театра;

— во-вторых, к этому же сроку должен быть сделан и надлежащим образом освещён нормальный, человеческий сход к клубу, а также оштукатурен и покрашен сам клуб, выглядящий чрезвычайно затрапезно;

— в-третьих, обкому комсомола поручалось обеспечить просмотр спектакля «Николай Майоров» максимальным количеством молодёжи;

— в-четвёртых, отныне приёмкой спектаклей Молодёжного театра будет заниматься репертуарная комиссия областного управления культуры, а не худсовет Дома художественной самодеятельности профсоюзов, которому это не по зубам;

— в-пятых, необходимо как следует подготовить и провести на высоком уровне юбилей Молодёжного театра, учредив для этой цели специальный оргкомитет;

— в-шестых, следует поддержать выдвижение Молодёжного театра на премию Ленинского комсомола и активно бороться за то, чтобы она была присуждена;

— в-седьмых, делегатам очередного съезда партии в числе прочих мероприятий по подготовке к отъезду в столицу следует запланировать просмотр спектакля «Николай Майоров» в Молодёжном театре.

Регина была в восторге от Владимира Григорьевича. Все проблемы решились в два счёта! Теперь можно спокойно работать над «Мозаикой».

Впрочем, не всё было однозначно. Отнесение Молодёжного театра к ведению областного реперткома вселяло тревогу. Понятно, что сделано это было не столько в знак признания высокого художественного уровня спектаклей, сколько для обеспечения их политической благонадёжности, для более бдительного пригляда за Региной. А поручение обкому комсомола охватить как можно больше молодёжи вылилось в то, что тот спускал разрядки райкомам, райкомы, в свою очередь, — первичкам. Билеты навязывались комсомольцам так же, как марки общества Красного Креста. Благо и стоили они одинаково — 30 копеек. Молодёжь, чтобы отвязались, покупала наши билеты, а на спектакль не ходила. В результате в дни, когда райкомы рапортовали, что все билеты распространены, у нас не было не то что аншлага — и половины зала. Когда мы распространяли билеты сами, без помощи доблестного комсомола, зрителей в зале оказывалось значительно больше. Регина скандалила в обкоме комсомола, угрожая поставить такой следующий спектакль, что помощь обкома в привлечении зрителей не понадобится. Делала она это с многозначительным видом, за которым читалось: вы тогда не сможете ставить галочки о проведённых культурных мероприятиях.

Но возможность спокойно, не опасаясь выселения, работать над новым спектаклем была отвоёвана, и именно в этом, девятнадцатом, сезоне была сделана основная часть «Мозаики».

Написав «спокойная работа над “Мозаикой”», я не мог придумать ничего менее соответствующего действительности. Регина была увлечена, пребывала в творческом возбуждении и требовала от остальных того же. Это была в высшей степени нервная работа. Любое проявление недобросовестности, недостаточной преданности делу, даже если ей так только казалось, вызывало бурную реакцию. Она требовала немедленного коллективного обсуждения и осуждения чьего-то обычно скорее легкомысленного, чем злонамеренного поступка. Собrania заканчивались порой под утро. Она ставила задачи новые, необычные даже для себя. Нужно было найти способ существования в условиях прямого контакта со зри-

телями, обращаясь к ним глаза в глаза, в двух шагах от них найти необходимые интонации и мизансцены. Не всё получалось сразу. Порой казалось, что такое существование вообще невозможно, что это не дело театра.

Должен признаться, что меня, так же как и всех других ребят — участников создания «Мозаики», Регине удалось по-настоящему увлечь. Будучи нервной и нетерпимой, когда дело касалось дисциплины или усердия, наш режиссёр была внимательной и чуткой к суждениям, ощущениям актёров, если видела, что они находятся в творческом поиске, поддерживала их инициативу. Помню, наблюдая, как она работает с Володиёв Баранниковым, Славой Сухоруковым, Надей Романовой, Славой Лычёвым, Таней Дормидонтовой, Леной Симахиной, Сашей Гориславским, я жалел, что это не записывается, что этого никто никогда не увидит. Между тем это была ещё и очень умная работа. Возникавшие сомнения не отвергались с порога, а проверялись, делалось много проб. Этот совместный сосредоточенный и вдохновенный поиск был в высшей степени интересен, завораживал, он сам был искусством. Когда же находилось нужное интонационное, пластическое, мизансценальное, музыкальное решение, то это обычно нравилось всем. Регина удовлетворённо щурилась, обращаясь за поддержкой к остальным: «Хорошо, правда?» Но окончательно сомнения могли разрешить только зрители, только их реакция могла показать, на правильном ли мы пути. Сезон нужно было закончить в мае, отдав с июня клуб в распоряжение строителей. Регина торопилась, что добавляло нервозности в нашу работу. Наконец она решила выйти к зрителям, опробовать основные решения «Мозаики». ВНИПИАСУлегпром давно просил организовать в своём зале творческую встречу с актёрами Молодёжного театра. Там в мае 1976 года и состоялось фактически первое представление «Мозаики». Конечно, это был ещё далеко не готовый спектакль. Программа на час сорок, шедшая без антракта, без остановок между номерами, представлявшаяся и воспринимавшаяся как единое целое. Зрители сидели на двух специально сооружённых амфитеатрах, расположенных друг против друга, а действие шло между ними. Но главное: в программу уже вошли все те эпизоды, которые оставались в спектакле до конца и всегда составляли его основу.

Тогда произошло наше первое общение со зрителями глаза в глаза, первое приглашение их на «вальс при свечах». Тогда мы увидели живую реакцию зрителей и поняли, что на правильном пути. Тогда по-настоящему поверили в «Мозаику». Тогда состоялось её рождение. С этого дня мы и стали исчислять историю «Мозаики», которой предстояла долгая жизнь, достойная отдельного разговора. Так под водительством Регины Михайловны мы завершали девятнадцатый сезон Молодёжного театра.

Распространённое мнение о Регине Гринберг как о человеке с трудным, неуживчивым, вздорным etc. характером оправдано. Как-то в ответ на её упрёки, что я был на очередном совещании недостаточно твёрд и резок, недостаточно жёстко выступал в её поддержку, я ответил:

— Регина Михайловна! Надо быть совсем извергом, чтобы прибавлять что-то ещё более резкое и веское к Вашим витийствам. Вы не оставляете для этого никакой возможности. Можете на меня обижаться, но когда Вы расходитесь, когда Вас заносит, у меня возникает желание встать на защиту тех, кого Вы поносите, а не поддакивать Вам.

Она не обиделась, но высказалась в том смысле, что руководит театром много лет и лучше знает, какой язык понимают чиновники. Ни я, ни кто другой никогда не могли соответствовать её стилю и темпераменту. Но, ей-богу, часто те, с кем ей приходилось иметь дело в различных инстанциях, действительно как бы не понимали человеческого языка и провоцировали её на эти неумеренные резкости.

В девятнадцатом сезоне в наш клуб «Театральные встречи» Регина пригласила известного актёра из театра «Современник» Игоря Квашу, который провёл блестящий творческий вечер, великолепно читал стихи, особенно Пушкина. Переполненный зал с восторгом внимал замечательному артисту. На вскоре вдруг возник акт очередной финансовой ревизии облсовпрофа, в котором выплата гонораров Е. Евтушенко и И. Кваше названа разорением профсоюзной казны.

— Приехали, понимаешь, ограбили профсоюзы, — пыхтел начальник финотдела облсовпрофа.

Доводы, что размеры гонораров соответствовали принятым в обществе «Знание» и заключённым договорам, что выступления стали важными культурными событиями в городе, что, наконец, профсоюзная казна отнюдь ничего не потеряла, а немало заработала на билетах, в расчёт не принимались.

— Профсоюзам это не нужно, и заработков этих нам не нужно, у меня их в плане нет, — гнул своё начфин. — Вот пусть общество «Знание» и приглашает кого хочет, а профсоюзам это не нужно.

— Да вы понимаете, что эти люди не поедут к кому попало! Они приезжают в Иваново только потому, что тут есть Молодёжный театр, потому, что их приглашает Гринберг! — пытался я объяснить ему суть дела.

— Вот с этой Гринберг и надо вычесть все убытки, — только кипятился он.

— Так ведь нет же никаких убытков, есть только прибыль!

— Не надо нам никаких прибылей, у нас в профсоюзах не положено платить, понимаешь, гонорары!

Ну что это такое?! Вместо того чтобы постановлением облсовпрофа узаконить деятельность нашего клуба «Театральные встречи» (а найти решение было можно — мы консультировались в ВЦСПС), Регине долго мотали нервы, грозили начётом и в конце концов запретили впредь выплачивать гонорары. Это фактически означало запрет на деятельность клуба «Театральные встречи» при Молодёжном театре. Только в 1980 году удалось организовать следующее заседание клуба: тогда в театр приезжал и выступал с творческим вечером поэт Пётр Вегин. Но это, как и все следующие выступления, организовывалось уже в сотрудничестве с обществом книголюбов. Продавались их билеты, а профсоюзной казне не доставалось ничего. Зато и нареканий не было. Ну как Регине было идиотизм не назвать идиотизмом?

Разумеется, несмотря на указания самого Клюева, к началу двадцатого сезона ремонт клуба не закончился. Лучше обстояло дело с внутренними помещениями. К концу сентября с задержкой всего на месяц была закончена реконструкция репетиционной

комнаты, которая превратилась в малый зрительный зал с амфитеатром.

Кстати, после первого показа зрителям «Мозаики» Регина отказалась от двух расположенных друг против друга амфитеатров. Эта новинка, применявшаяся во всех камерных спектаклях, которые мы видели в Москве в 1975 году, не выдержала испытания «Мозаикой». Помню, с каким придыханием, как о новом слове в искусстве, говорили о расположении зрителей друг против друга некоторые режиссёры и театроведы. Им казалось, что когда зрители видят других зрителей, то они как бы видят самих себя со стороны и это создаёт неизвестный доселе дополнительный эффект. Возможно, для каких-то игр со зрителями или диспутов это действительно годится. Когда же внимание должно быть сосредоточено на артистах, на площадке, а главное — когда артисты обращаются не к зрителям вообще, а к каждому в отдельности, это только мешает, отвлекает и больше ничего. По проекту Регины Гринберг амфитеатр в малом зале был расположен углом с одной стороны, а игровая площадка — напротив него.

Задержка с окончанием отделочных работ в малом зале, в частности, была связана с упорным противодействием директора фабрики окраске потолка и стен в чёрный цвет.

— Не позволю в моём рабочем клубе заниматься очернительством! — всерьёз и с пафосом говорила она, привнося идеологическую подоплёку и находя поддержку в областных профсоюзных инстанциях.

Потребовались не одно совещание, не один скандал и пуды нервов, чтобы добиться учёта специфики театрального зала, театрального света как выразительного средства и отсеять идеологию. Вероятно, «добро» было получено лично у Клюева, только после этого маляры приступили к завершению отделки.

Ещё смешнее вышло с большим зрительным залом. Когда Регина увидела, что рабочие отделяют стены блестящим пластиком, сразу заголосила. Ей стало ясно, что такие стены станут давать блики, что невозможно будет создать на сцене локальный свет, когда из темноты выхватывается только лицо актёра, такой свет, который в её спектаклях используется много, да и вообще — никакого осмысленного театрального освещения с бликующими

стенами создать невозможно. Она голосила — её упорно не хотели слышать. Этот пластик был страшным дефицитом, им тогда отделяли кабинеты только высокого начальства. Сам Клюев широким жестом повелел достать для Молодёжного театра такой пластик, желая не просто угодить Регине, но произвести впечатление своей щедростью. К регининским воплям относились как к проявлению чёрной неблагодарности и продолжали работу. Первая же репетиция на сцене показала, что Регина абсолютно права. Блуждающие блики засвечивали то, что до поры должно оставаться в темноте, и не давали возможности создать нужные световые эффекты. Помню совещания, на которых Регина употребляла все имеющиеся в русском языке обзывательства. Ничто не помогало. В ответ только смотрели рыбьими глазами и тихо её ненавидели. Наконец, дело дошло до самого Клюева. Со слов Регины это выглядело так. Хозяин кабинета, возмущённый и оскорблённый в лучших чувствах, на её: «Я в таком зале работать не буду!» — трахнул кулаком по столу и, перейдя на ты, гаркнул:

— Будешь! Не забывай, что ты коммунист!

Тогда Регина, сделавшись спокойной и тихой, как удав, произнесла:

— А если я начну поучать Вас, как нужно руководить сельским хозяйством, как Вы к этому отнесётесь? Почему же Вы считаете возможным поучать меня, как нужно руководить постановочным процессом? Я сказала, не буду — и не буду!

Клюеву оставалось только убить её на месте. Он совершенно не был готов к тому, что ему будут так нагло перечить. Подчинённые давно отучили его от мысли, что такое возможно. Поиграв желваками, он направил свой гнев в сторону тех, кто не согласовал с режиссёром отделку зала. В конце концов он велел всё переделать и облицевать стены так, как хочет Гринберг, — деревянной рейкой. Поскольку до торжественного открытия двадцатого сезона оставалось слишком мало времени и невозможно было успеть пропитать эту рейку огнестойким составом, он велел обивать зал рейкой без пропитки, а после мероприятия рейку отодрать, пропитать и снова поставить на место. Что и было в точности выполнено.

Регина, рассказывая об этом, очень гордилась собой. Ей казалось, что Клюев после этого особенно зауважал её. Будучи сам

сильной личностью, он-де увидел в ней такую же сильную личность, чуть ли не родственную душу. Ему надоело общаться с холуями, и общение с Региной доставило ему удовольствие. Не знаю, не уверен. Говорили, что на самом деле В. Г. Клюев Регину Гринберг не сильно любил. Но он был настоящий хозяин и человек, без сомнения, амбициозный. Он понимал, что Молодёжный театр — явление уникальное, что такого ни у кого нет. И решил: ни у кого нет, а у него пусть будет! Только надо держать Регину в рамках, под постоянным приглядом. При нём ей жилось отнюдь не просто, но никто не пытался выжить ее из города, как это бывало раньше, никто не распускался, не переходил предела, все должны были оглядываться на хозяина. Настоящие трудности начались у Регины и театра, когда Клюев уехал в Москву. Тогда, казалось, все дождалось момента, чтобы свести с ней счёты. Об этом мы ещё вынуждены будем поговорить.

А в двадцатом, юбилейном, сезоне Регина должна была воевать чуть ли не по любому вопросу, касающемуся и ремонта, и плана проведения сезона, и программы творческого вечера.

Затянулись работы по обустройству подходов к клубу и их освещению — совещания, письма, скандалы — наконец пошла работа.

Потребовалось создание второго выхода из малого зала, без этого зрителей сюда по нормам пожарной безопасности приглашать невозможно — совещания, скандалы, письма — второй выход был прорублен из кабинета режиссёра, а снаружи сооружена металлическая лестница с несколькими площадками для эвакуации зрителей в случае чего.

Окраска фасада клуба — казалось бы, дело решённое — выполнена была только после нескольких скандалов, писем, кучи нервов.

Регина добилась, чтобы соседнюю с малым залом Г-образную комнату, в которой давно уже не велось никакой клубной работы, отдали театру под музей. Увидев, что и в музее стены красят в чёрный цвет, директор фабрики, чертыхаясь, вышла в фойе, где стены сияли свеженькой белизной и радовали её. Тут возникла Регина и стала громко бранить освещение фойе, обычное дневное освещение люминесцентными лампами. «Это не театр, — нагнета-

ла Регина обстановку, — это операционная... это казарма... это морг... это сортир какой-то!» Директор, Антонина Иосифовна Курчакова, волевая и властная женщина, пошедшая, кажется, на все условия Регины, отдавшая всё, чуть не заплакала. Но вскоре закупили бра под обычные лампы накаливания и в фойе было организовано второе, театральное освещение. Регина впоследствии бдительно следила, чтобы, когда она в клубе, дневное освещение ни в коем случае не включалось. А через несколько лет добилась, чтобы и в фойе стены выкрасили в чёрный цвет! Тогда оно стало единым пространством с музеем, там тоже были развешены фотографии, фойе обрело стиль, теплоту и подлинную театральность.

Но главные проблемы возникли в юбилейном оргкомитете, созданном по указанию Ключева под председательством первого секретаря горкома партии, при обсуждении программы юбилейных мероприятий. Этот оргкомитет готов был обсуждать, принимать решения, организовывать изготовление афиш, буклетов, значков, косынок. Но как только речь заходила о творческой стороне дела и приглашении на торжества гостей, у оргкомитета было всегда своё мнение, обязательно шедшее вразрез с пожеланиями театра. Регина предложила начинать юбилейный вечер с «атаки» из «Н. Майорова» и первое отделение посвятить землякам: Н. Майорову, А. Лебедеву и С. Малинкину, показать фрагменты из соответствующих спектаклей, включая «Памяти друга». Затем провести чествование коллектива, а второе отделение отдать будущим работам театра. Начались разглагольствования на тему «так не принято». Принято, мол, начинать с чествования. Взаимная игра состояла в том, что одни хотели иметь возможность смыться после торжественной части, другие (мы) — не дать им такой возможности и заставить всё областное руководство посмотреть хотя бы первое отделение. Потом: «Памяти друга» неуместен. Опять: кто такой Малинкин? Мы ходили с заседания на заседание, писали письма Ключеву, Регина психовала и плевалась. В конце концов наша позиция — «театр сам вправе определять содержание творческой части вечера» — была принята, сдался оргкомитет и в отношении порядка вечера: «Хорошо, начинайте с атаки!» Но главное, ради чего Регина всё затевала, что должно было всё сделать праздником, — приглашение на торжественное открытие

сезона друзей театра: журналистов, критиков, представителей ВТО и родственных театров, авторов: А. Вознесенского, Е. Евтушенко, Б. Окуджавы, Р. Рождественского и других — в последний момент было решительно отклонено. Предлог был какой-то совершенно надуманный: пригласив много гостей, мы тем самым отстраним ивановскую общественность. Поэтому решили не приглашать никого. Это обесмысливало всю затею. В таком случае Регина решила все торжества отложить на весну, когда театру, собственно, и исполнится 20 лет. Торжественное открытие сезона провести скромно, с минимумом приветствий, с показом назло врагам «Памяти друга» и без «ивановской общественности»...

Открытие двадцатого сезона, после нескольких переносов, состоялось-таки в конце октября 1976 года. Зал был заполнен до отказа обычными нашими зрителями. Спектакль «Памяти друга» прошёл и был принят великолепно. Потом зачитали приветственные телеграммы, в том числе от В. Г. Ключева, было ещё несколько неофициальных приветствий. В приподнятом настроении мы собрались в новом малом зале, где сами себе организовали немудрёный стол. С нами были бывшие актёры театра и... так представители ивановской общественности — наши верные члены худсовета театра: художник Евгений Грибов, доценты Алевтина и Феликс Греки и другие, в основном преподаватели институтов, те, кто вместе с нами писал письма, ходил по инстанциям, помогал Регине, поддерживал её.

Совсем недавно вышел указ о присвоении Р. М. Гринберг почетного звания «Заслуженный работник культуры РСФСР». Это ещё редкое в то время звание она давно заслужила и искренне радовалась, принимая многочисленные поздравления. Но теперь она неважно себя чувствовала. После всех перипетий первых двух месяцев юбилейного сезона, срыва её планов пригласить множество дорогих гостей и устроить настоящий праздник у неё разыгралось давление. Мы решили сами устроить Регине праздник. Мы пели её любимые песни, исполняли по её просьбе забавные «капустные» номера. Были и новые, специально сочинённые к этому событию.

Мы с Таней Ким впервые исполнили пародию на знаменитый «Маленький оркестрик» Б. Окуджавы. Там, где в оригинале: «Надежды маленький оркестрик под управлением любви», Татьяна придумала забавный рефрен: «маленький оркестрик под управлением у ей». Регине эта пародия так понравилась, что она потом просила исполнять её всякий раз на наших посиделках и даже стала включать в творческие вечера театра. Эта пародия за многие годы не раз модернизировалась, я сочинял новые куплеты, но вначале она выглядела примерно так (первые два куплета, сочинённые Т. Ким, я помню приблизительно):

Когда внезапно проникает к нам за кулисы зала шум,
Мы воспаряем, отрешаясь от всех земных забот и дум,
А режиссёр, как гость случайный, смущаясь, бродит меж людей...
Играет маленький оркестрик под управлением у *ей!*

В года ремонтов и сражений, когда бумажные дожди
Лупили так по нашим спинам, что снисхождения не жди,
Мы в кабинетах глотки драли, что ай-ай-ай и ой-ой-ой, —
Держался маленький оркестрик под управлением у *ей!*

А на злодея на любого искать не долго меч и щит!
И худсовета хор щипковый народной музыкой звучит!
И профсоюзный угол медный, и скрипки всех секретарей, —
Всё это — маленький оркестрик под управлением у *ей!*

Огромна роль Центральной Прессы! Она сильна, она грозна,
Её могущество известно — Свобода Слова ей дана!
Она по праву тем гордится. Но Гринберг надо — и, ей-ей,
Сыграет маленький оркестрик под управлением у *ей!*

Что ж, на достигнутом, ребята, остановиться? Нет. Сейчас
Готовим к съезду делегатов и с границей держим связь.
И чай мы пьём из самоваров! Но самовары те порой
Гудят, как маленький оркестрик, под управлением у *ей!*

Регина хохотала громче всех. Конечно, это была лесть, но, право же, не слишком далёкая от правды. Вообще тогда получилась весёлая вечеринка, действительно — праздник.

Через несколько дней было опубликовано Постановление ЦК ВЛКСМ о присуждении премий Ленинского комсомола 1976 года, где в числе лауреатов значился Ивановский народный молодёжный театр драмы и поэзии. Последовал новый поток поздравлений. А ещё через несколько дней Регину увезли в больницу с диагнозом «инфаркт миокарда». И хотя потом этот диагноз не подтвердился, констатировано было только предынфарктное состояние, Регина требовала, чтобы во всех наших письмах, где мы ставили очередные вопросы, мы бы обязательно писали, что режиссёра «довели» до больницы и что там она оказалась не в предынфарктном состоянии, а именно «с диагнозом “инфаркт миокарда”».

Торжественный вечер, посвящённый двадцатилетию Молодёжного театра и присуждению ему премии Ленинского комсомола, прошёл по сценарию Регины: «атака» из «Николая Майорова» и композиция «Память» с фрагментами из «Майорова», «Лебедева» и «Памяти друга» — первое отделение, затем чествование коллектива и награждения, второе отделение — «Начало» — фрагменты из «Мозаики», специально поставленные пантомимы и музыкальные номера. В антракте — открытие музея Молодёжного театра. Присутствовало всё областное и городское начальство, сам В. Г. Клюев. Кроме В. Чернова, московских гостей не было. Да и как было приглашать, если б даже разрешили, когда дата этого мероприятия была определена в спешке и отнюдь не Региной. Всё проводилось в начале февраля за месяц до дня рождения театра и приурочивалось к визиту первого секретаря ЦК ВЛКСМ Е. Тяжельникова в Иваново. Он приехал, сообразуясь со своими планами, за день до торжественного вечера и всё равно на нём не присутствовал, а вручал нам премию накануне во Дворце культуры текстильщиков. Впрочем, это особенно не волновало ни Регину, ни нас. Чем скорее мы покончим со всем этим официозом, с юбилеем, тем лучше. Так мы тогда думали.

Этот двадцатый юбилейный сезон, в котором Регине удалось создать малый зал и музей, кардинально преобразить большой зрительный зал и вообще весь клуб изнутри и снаружи, сделать его действительно похожим на театр, был одновременно рекордным и на разочарования. Первым было превращение юбилея в официальное мероприятие вместо праздника, о котором мечталось Регине.

Впрочем, это надо было предвидеть: или праздник, или высочайше учреждённый оргкомитет. Второе разочарование: Молодёжный театр не был включён в программу зонального смотра народных театров во Владимире. Не был, хотя заслужил это право, став со спектаклями «Николай Майоров» и «Елена Ширман» лауреатом областного смотра. О предстоящей поездке Молодёжного театра во Владимир «на зону» даже сообщили местные газеты. Но в Москве, в кабинете народных театров ВТО, Регине сказали:

— Регина, вы уже получили за эти спектакли премию Ленинского комсомола! Ну, что же всё время Ивановский молодёжный... Лучше мы за те же деньги привезём какой-нибудь молодой коллектив, действительно нуждающийся в поддержке. А вы всё равно получите звание лауреата. Поддержка наша вам не нужна, вы и так в порядке.

В этом был сарказм. Сделавшим очень многое для любительского театрального движения дамам из кабинета народных театров казалось, что, получив премию, Регина превратилась в Иванове в официального мэтра, перед которым открыты все возможности. Она как бы выпала из числа их подопечных, тех, кому они действительно нужны. К тому же они не забыли неприезд Молодёжного театра на московскую декаду в 1975 году, когда они так звали.

Молодёжный театр действительно получил звание лауреата очередного Всесоюзного фестиваля без участия в зональном отборе. Но потом так же не был приглашён и на заключительную декаду в Москву. Регина считала такое отношение к себе верхом несправедливости, намёки на её принадлежность к официальной культуре воспринимала болезненно. Она надолго рассорилась с кабинетом народных театров. Участие театра в «зоне» и в заключительной декаде смотра могло стать тем праздником, который компенсировал бы юбилейный официоз, но этого не случилось.

Через две недели после юбилейного вечера Регина вывезла коллектив в творческую командировку в Москву. Это было ещё одним делом, которое она провернула под юбилей. Деньги на это выделили. Целую неделю мы, с удобством расположившись в гостинице «Юность», ходили по московским театрам. Главным же было посещение прогонных репетиций «Мастера и Маргариты» в

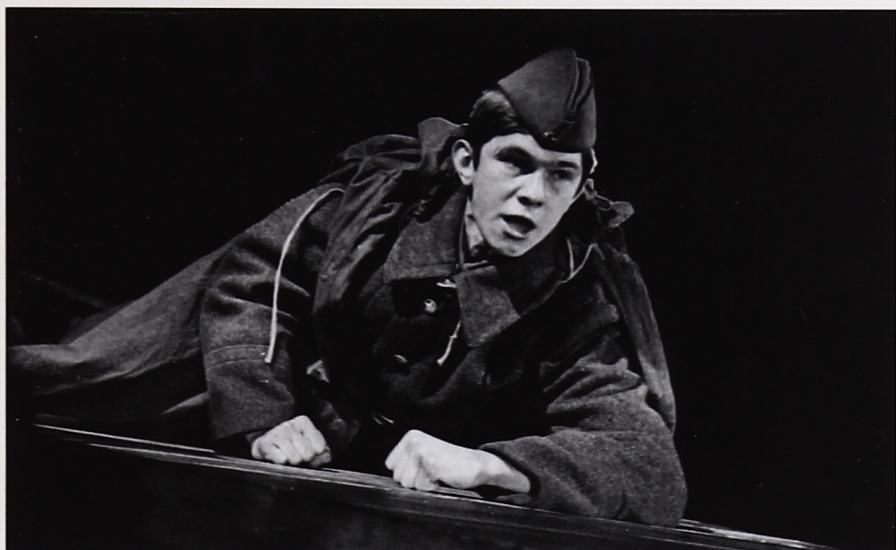
Театре на Таганке. Юрий Любимов готовил этот спектакль к своему 60-летию. Наблюдая, как он работает со своими ведущими артистами, мы невольно сравнивали его с Региной. Много общего, но в эмоциональности, страстности наша, пожалуй, могла дать фору всемирно известному мастеру. В. Высоцкий в этом спектакле не был занят, но на одной из репетиций присутствовал, сидел рядом с нами. Регина, которую он сразу узнал, немного пообщалась с ним.

Последнее, что Регина выцыганила под юбилей, как мне помнится, лично у Клюева, — поездка на театральный фестиваль в её любимую Польшу. Это была уже третья за короткое время поездка Регины в Польшу. С собой она взяла Надю Романову и Володю Баранникова. А я тогда с тремя нашими артистками был направлен, как выражались в облсовпрофе, «отрабатывать премию Ленинского комсомола», участвуя в концерте для делегатов Всесоюзного съезда профсоюзов в Кремлёвском дворце съездов.

Весь сезон репетиции «Мозаики» хотя и велись, но от случая к случаю, урывками. Только в конце марта, когда закончились все поездки, Регина снова дорвалась до настоящей работы. «Мозаика» стремительно стала приобретать цельность и логическую завершённость. Много работали над переходами от эпизода к эпизоду, над их чистотой по свету, музыке, над интонационными «стыками», шлифовали техническую составляющую переходов. В середине мая поехали с «Мозаикой» в Москву. В эту поездку Регина рвалась, рассматривая ее, во-первых, как компенсацию за несостоявшиеся поездки с «Николаем Майоровым», а во-вторых, и это главное, как способ заранее заручиться поддержкой Москвы перед предстоящей сдачей «Мозаики» — в первый раз — областному реперткому. Этой цели она добилась.

Несмотря на немалые достижения двадцатого юбилейного сезона, Регина всё же провозглашала его сорванным сезоном и, планируя другие юбилеи, никогда больше ни с какими оргкомитетами не связывалась.

В. Сухоруков в спектакле «Николай Майоров», 1975 г.

Н. Романова в спектакле «Елена Ширман», 1975 г.

